

Дмитрий Румянцев

Голубятня

* * *

Ну посмотри: какая ночь сегодня!
Свод облаков, как пальмовая ветвь...
Вот месяц на ослиати едет в смерть,
но то не смерть — сияние Господне...

Такая ночь! Машины мчатся прочь.
Во тьме горят ночные габариты.
Идут дома по улице разбитой.
Идёт домой — по лицам — пьяный дождь.
И светофоры пробивает дрожь.

Когда умру, я буду вспоминать
вот это всё — канун великой Пасхи,
тогда сниму обугленную маску
и, новое лицо, пойду гулять
с масличной ветвью, с новым (вдруг) лицом,
с знакомою округою и другом.
Под новым небом встанем полукругом
с женою, сыном, мамой и отцом,
с желанным домом, Критом и Москвой,
с собакою, служившею мне верно,
и свет небес качнётся белой вербой,
глубокой верой, тайной, тишиной,
голубкою и глыбью неземной,
и, зажигалкой чиркнувши с осечкой,
мы встанем все горячей светлой свечкой
навек светить в чертог пресветлый Твой!

Румянцев Дмитрий Анатольевич — поэт. Родился в Омске в 1974 году. Окончил философский факультет Омского педуниверситета по специальности «Культурология». Автор книг стихов «Сравнительное жизнеописание» (Омск, 2011), «Нобелевский тупик» (Омск, 2011), «Страдающее животное» (Омск, 2013). Постоянный автор «Дружбы народов». Живет в Омске.

* * *

опять троллейбус, словно жук, по тёмной улице ползёт
и от жужжания внизу фонарь, как крохотный ожог
опять ночному мотыльку он светел, что ерусалим
опять, скиталец и летун, я сам себе необходим
но вновь за окнами любовь нетрезвой девушкой поёт
и я ей нужен не любой, а только так, чтоб наперёд
и барселона, и мадрид, и листопад, и звездопад
она поёт, и тьма бежит за частокол резных оград
и солнце вешнее встаёт который раз над иртышом
и сердце кровь во мне куёт о том, что это — хорошо
что, как лампадочка в руке её — вечерняя луна
уже бледна. на языке — одна любовь и тишина
коснись меня и избалуй, полночным пением пьяна,
как будто это — поцелуй, оставленный на времена
когда расходятся круги на сонных лужах, что друзья
когда старинные враги за мной, как тени, семянят
и распадается на прах и пепел будущая жизнь
и в обескровленных руках, как метка чёрная, лежит...
но я сказал — над камышом светило вешнее встаёт
троллейбус дребезжит — жуком. весна. и девушка поёт
и для кого-то нужен рай, а мне и так — везде эдем
скорее утро начинай, звезда, что светит в вифлеем...
как будто всюду — первомай, и радостно, и звёздно всем

* * *

Вот ворона кричит надо мной
старый клич похоронный.
Кто бы ведал: какою ценой
я не слышу вороны?

Воронёный холодный обрез,
что на сердце наставлен,
каждым звуком рождает порез
металлическим камнем.

Остановится сердце моё,
очевидно, когда-то,
и душа полетит с вороньём
безвозвратно.

Но не хочется так — через грех
и космический холод,
есть в душе для движенья наверх
белый голубь.

И когда наступает момент
разрушения плоти,
он приносит масличную ветвь
над потопом.

Что, ворона, кричишь о своём
как всегда так некстати? —
есть высокие в небе моём
голубятни.

Так что хватит кричать над страной
разошедшимся психом,
никогда ты не будешь со мной
и подавишься криком.

Так о смерти кричи на своём
языке на закате! —
есть пресветлые в небе моём
голубятни!

* * *

и спросили меня: как вы нынче живёте?
 — как Беттина Brentano на коленях у Гёте —
 гениально, а впрочем, чего гоношиться,
 можно жить и с трагедией жизни ужиться,
 можно жить, точно дети — предчувствием чуда,
 тем, чему помешать не сумеет Иуда,
 тем, когда нет ни эллина, ни иудея,
 словно Ерусалим или та же Халдея
 окружает, где звёзды стоят над порогом,
 и одна, ярче всех, выступает залогом,
 что и счастье, и хрупкое небо найдёте,
 как Беттина Brentano на сердце у Гёте!

* * *

Собака бегаёт по снегу, гоняет кошка воробья,
 и разлинованному свету, как юнге, видится Земля.
 Здесь хорошо, здесь леший бродит сквозь злую оптику луны,
 здесь всё стоит на огороде печное чучело зимы,
 ещё снежинка не погасла в твоей руке, в твоей руке,
 и если кто-то после счастья идёт с собой накоротке,
 то он, конечно, чудо встретит и, может быть, произнесёт,
 и зимний вечер, мокрый ветер его по судьбам разнесёт...
 и всё случится!..

* * *

После Бога слова не сказать, не связать, как после Аушвица.
 Остаётся чистою тетрадь, что воды студёная криница.
 Долго к ней звериная тропа вьётся-вьётся, в руки не даётся,
 ты по ней иди и отступай в дальние края первопродства.
 Пусто ещё будет на земле от простого золотого снега,
 снова густо веточки аллея трогают за ворот человека.
 Уходи в глухо-и-немо-ту расставаньем выверенным, честным,
 оставляй нетленной красоту следом — многоточьем поднебесным.
 Ведь на то и сроки новых зим на снегу оставят отпечатки,
 чтобы ты любовь искал по ним, исправляя грусть и опечатки.
 Это всё, чем выпало предстать перед облаками — их амвоном,
 чтобы вновь неизречённым стать, дорожа небесным новым домом.

молитва

рубиновые звёзды над Кремлём, а нам так хорошо с тобой втроём
 глядя, глядеть в небесный водоём, пока сынишка спит и грёзу видит
 под песню о Медведице Большой, наедине с заплаканной душой,
 немного неба зачерпнув ковшом, питая страсть и власть возненавидя
 одна лишь страсть и власть на свете есть —

сжигать внутри сердечной мышцы взвесь
 и лишь одна на всех благая весть — которая пророчит всем спасенье,
 а всё иное — тундра и напасть, дай нам взойти, подняться, не упасть,
 былинкой прорасти и не пропасть, слизнув наш ягель языком оленьим.